
С. В. Полехов

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К БИОГРАФИИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ЛУГВЕНЕВИЧА
МСТИСЛАВСКОГО¹

(*Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. Гістарычны партрэт. Мінск:
Тэхналогія, 2010. — 63 с., [4] л. ил.)*

На страницах работ, посвященных средневековой истории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), долгое время почти не находилось места живым людям, которые творили и осмысливали эту историю. Ученые нередко шли проторенным путем: биографии людей Великого княжества — князей, бояр, епископов — ограничивались сводками генеалогических и просопографических данных, которые практически не влияли на общую картину: в ней продолжали действовать несколько абстрактные «русские земли ВКЛ», «сословия» и «народные массы». Это, в свою очередь, во многих случаях вело к построению неверных логических связей. Пожалуй, меньше всего повезло князьям, в том числе из правящей династии Гедиминовичей: они традиционно остаются в тени монархов, и заинтересованный читатель до недавнего времени вынужден был довольствоваться фундаментальным, но по необходимости лапидарным трудом Ю. Вольфа о литовско-русских князьях (1895 г.)², в лучшем случае — биограммами в «Польском биографическом словаре» или одной из «Литовских энциклопедий». На первый взгляд могло бы показаться, что историк лишен выбора: в условиях становления письменной культуры в ВКЛ мало кто из его жителей вплоть до рубежа XV—XVI в.

¹ Рецензия написана при финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Дюссельдорф) по проекту AZ 08/SR/09 “Politische Konflikte und die Gesellschaft im Großfürstentum Litauen im 15. Jahrhundert”.

² Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku. Warszawa, 1895.

оставил после себя комплекс источников, который позволил бы более или менее всесторонне осветить его биографию, или же такие источники до нас не дошли в силу непростой политической судьбы региона.

Но путь к обобщениям в исторической науке лежит через индивидуальное и уникальное. Недавние исследования польских и литовских авторов (Я. Тенговский, Р. Петраускас и др.) показали перспективность просопографического подхода, который на основании данных о жизни отдельных князей и вельмож позволяет поставить и решить более общие проблемы истории ВКЛ³. В этом ряду стоит и новая работа белорусского историка Василия Воронина. Небольшая книга посвящена князю Юрию Лугвеневичу (Семеновичу), внуку Ольгерда по отцу и Дмитрия Донского по матери, Гедиминовичу, который в первой половине — середине XV в. правил в Мстиславле, Новгороде, Смоленске и Полоцке, мог всерьез претендовать на виленский престол, но так его и не занял. Избранный автором жанр исторического портрета дает возможность не только увидеть героя книги в контексте его эпохи, но и по-новому взглянуть на ряд аспектов истории ВКЛ того времени, хотя некоторые конкретные выводы требуют уточнения или даже корректировки. Но обо всем по порядку.

Книга состоит из вступления, трех глав, заключения и приложения. Первая глава, самая краткая, посвящена семье и годам юности князя Юрия. Автор начинает с очерка биографии его отца Лугвения (в православном крещении Семена) — одного из сыновей Ольгерда. Обращает на себя внимание, что Лугвень, начав свою политическую деятельность как «человек Ягайла», будущего польского короля Владислава II, впоследствии стал «своим» и для нового великого князя Витовта (в отличие от других королевских братьев — Скиргайла и Свидригайла). Об этом говорит и его женитьба на сестре великого князя московского Василия Дмитриевича, который сам был женат на дочери Витовта, и участие в военных кампаниях великого князя литовского (пользуясь случаем, замечу, что противником Лугвения в битве под Любутском 1402 г. был рязанский князь Родослав Олегович, а не Ярослав, как написано в книге). Для полноты картины автору следовало бы отметить, что по приезду из Новгорода в 1392 г. Лугвень получил Мстиславское княжество, с которым была тесно связана судьба его потомства. Здесь, по всей видимости, и родился его сын Юрий. В. А. Воронин справедливо относит это событие к 1395—1399 г., когда Лугвень состоял в первом браке. Это позволяет в дальнейшем изложении аргументированно отвергнуть распространенную точку зрения об участии Юрия Лугвеневича в Грюнвальдской битве 1410 г.

Вторая, самая большая глава исследования охватывает наиболее яркий период жизни Юрия Лугвеневича — с 1422 г., к которому относится первое достоверное упоминание о его самостоятельной деятельности, до конца 40-х годов XV в. Со смертью Витовта в 1430 г. в ВКЛ начались бурные события, в которых немалую роль играл герой книги. Это требует от автора, с одной стороны, проявлять особое внимание к историческому контексту деятельности героя его книги, с другой — не уходить в повествование об эпохе. В целом В. А. Воронин успешно справился с этой задачей, особенно если учитывать, что в историографии ВКЛ отсутствует современное, всестороннее и подробное исследование событий 30—40-х годов XV в. Но некоторые решения, предложенные в книге, нуждаются в уточнении. Первая исследовательская проблема, с которой здесь сталкивается автор, — вопрос об избрании/назначении великого князя после смерти Витовта. В. А. Воронин присоединяется к гипотезе Л. Колянковского: нового великого князя назначил польский король и верховный князь Литвы Владислав II Ягайло, которому необходимо было сохранить отдельное

³ Основные работы: *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. (Biblioteka Genealogiczna. T. 2.) Poznań; Wrocław, 1999; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003; *Idem.* Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje — XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis 2005. T. 1. Vilnius, 2006. Результаты этих исследований Р. Петраускаса доступны и на других языках, помимо литовского: *Petrauskas R.* The Lithuanian Nobility in the Late Fourteenth and Early Fifteenth Centuries: Composition and Structure // *Lithuanian Historical Studies*. Vol. 7: 2002. Vilnius, 2003; *Пятраўскас Р.* Фармаваньне інстытутынага двара вялікага князя ў Літве (XIV — пачатак XV ст.) // *Arche* Пачатак. 2009. № 9.

Великое княжество Литовское, чтобы в дальнейшем обеспечить своим сыновьям польский престол. Поэтому, заключает В. А. Воронин, его выбор и пал на бездетного Свидригайла, а не на Лугвенья, у которого уже были двое сыновей (С. 15–16). Однако впоследствии историки пришли к выводу, что сыновьям короля не грозило непризнание со стороны польской шляхты, а ее конфликт с династией был вызван соображениями престижа⁴. Более того, как показал Я. Никодем, гипотезу Колянковского не подтверждают ни современные событиям источники, ни исторический контекст этих событий (взаимоотношения Ягайла и Витовта), ни формальная логика (Ягайло, несомненно, понимал, что коронация Витовта отнюдь не решала вопроса о наследовании литовского престола в пользу польского королевича)⁵. Не подтверждается и гипотеза о назначении нового великого князя польским королем⁶. Свидригайло стал великим князем при поддержке знати ВКЛ, но не по назначению Ягайла. К тому же в ближайшие планы Свидригайла в конце 1430 г. входила женитьба на дочери молдавского господаря⁷; что стал бы делать Ягайло, родись у Свидригайла наследник? Все это заставляет совсем в ином направлении искать ответ на вопрос, почему престол занял не Лугвенья, а Свидригайло. Ответ, по сути, дает сам автор: даже когда согласие с Ягайлом и Витовтом «не во всем отвечало его собственным интересам и политическим амбициям, Лугвенья подчинялся» (С. 10). Свидригайло же многие годы подчеркивал свои права на «отцовское наследие»⁸, а в критический для Витовта момент в 1430 г. предпринял энергичные действия и занял виленский престол.

Лугвенья (умерший около 1431 г.) и его сын деятельно поддержали политику нового великого князя. Юрий Лугвеневи́ч остался на стороне Свидригайла и после его свержения в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Тот бежал в Полоцк, где вскоре начал собирать войска для похода против нового великого князя Сигизмунда Кейстутовича с целью отвоевания престола. Основу войска Свидригайла во время его похода на Литву составляли не только полочане (С. 18), но также витебские и смоленские бояре (и, вероятно, мещане), поскольку войска южных земель ВКЛ (Киевщины, Волыни, Восточного Подолья) вели боевые действия против Польши, воспользовавшейся переворотом в этом государстве. Кстати, именно тогда, осенью 1432 г. (а не в 1433–1435 г., как полагает В. А. Воронин), был составлен «Список городов Свидригайла»: об этом говорит и его содержание, и упоминание в тогдашней переписке⁹. Но главное, что вызывает возражения в авторской характеристике деятельности Свидригайла, — это утверждение о его «русской программе», которую он «активно проводил» в 30-е годы XV в. (С. 50). Вопреки распространенному мнению, политику Свидригайла в 1430–1432 г. нет оснований считать «прорусской»¹⁰. Что же касается «идеи «Великого княжества Русского», о которой пишет В. А. Воронин (С. 25), то следует помнить, что такое

⁴ Подробнее см.: *Cawlas S. Zbigniew Oleśnicki wobec sporu o ustrój państwa (1425–1430) // Zbigniew Oleśnicki. Książę Kościoła i mąż stanu. Materiały z Konferencji (Sandomierz, 20–21 maja 2005 roku) / Pod red. F. Kiryka i Z. Nogi. Kraków, 2006.*

⁵ *Nikodem J. Spory o koronację wielkiego księcia Litwy Witolda w latach 1429–1430. Cz. II: Próba rekonstrukcji wydarzeń // Lituanos-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. T. 7. Poznań, 1997. S. 158–163.*

⁶ *Nikodem J. Wyniesienie Świdrygiełły na Wielkie Księstwo Litewskie // Białoruskie Zeszyty Historyczne. T. 19. Białystok, 2003.*

⁷ Об этом Свидригайло сообщил римскому королю Сигизмунду Люксембургскому через своего посла Сигизмунда Рота, верительная грамота которому датирована 9 ноября 1430 г. (GSŁAPK, OBA 5542, Bl. 1r–v; краткое содержание опубл.: CEV. Nr. 1464).

⁸ В наиболее яркой форме это было выражено в речи представителя Свидригайла, Иоганна Никлосдорфа, на Базельском соборе в 1434 г.: по его словам, отец великого князя (Ольгерд) распорядился, что если его старший брат Ягайло получит королевство, то великим князем литовским должен стать Свидригайло (*Joannis de Segovia, presbyteri cardinalis tit. Sancti Calixti, Historia gestorum generalis synodi Basiliensis // Monumenta conciliorum generalium seculi decimi quinti. Concilium Basileense. Scriptorum t. 2. Vindobonae, 1873. P. 619*). Подробный анализ см.: *Matusas J. Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis. Vilnius, 1991. P. 18–19; Nikodem J. Data urodzenia Jagiełły. Uwagi o starszeństwie synów Olgierda i Julianny // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. T. 12. Poznań; Wrocław, 2000. S. 44–45.* Между тем ссылка Свидригайла на «отцовское наследие» практически неизменно повторяется в его документах, связанных с борьбой за литовский престол: например, в договоре с Тевтонским орденом 2 февраля 1402 г. он называет себя «наследником Литвы и Руси» (*Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398–1437) / Hrsg. von E. Weise. Marburg, 1970. Nr. 10. S. 18*)). Не случайно и упоминание отцовского престола в посольстве Свидригайла к Сигизмунду Люксембургскому от 9 ноября 1430 г. (GSŁAPK, OBA 5542, Bl. 1r).

⁹ *Полехов С. В. О дате и обстоятельствах возникновения «Списка городов Свидригайла» (в печати).*

¹⁰ *Полехов С. В. К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. // Studia historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2008. Вып. 1.*

осмысление событий гражданской войны в ВКЛ (владения Свидригайла как «Великое княжение Русское») всецело принадлежит смоленскому летописцу XV в., сам же Свидригайло продолжал титуловаться «великим князем литовским и русским», а его главной целью было возвращение виленского престола, что прекрасно понимали (и поддерживали) его русские подданные¹¹.

К осени 1432 г. относится еще один эпизод биографии Юрия Лугвеневича, попавший на страницы источников, — его пребывание на кормлении в Новгороде. По мнению автора книги, князь приехал в Новгород в августе—сентябре, хотя псковский летописец помещает сообщение о его прибытии на Волхов между известиями о конфликте («рагозе») между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем из-за великого княжения, начавшемся 1 сентября, и об Ошмянской битве между этими князьями, состоявшейся 8 декабря 1432 г. В этом сражении на стороне Свидригайла участвовал и вернувшийся из Новгорода герой книги, который в результате попал в плен к Сигизмунду Кейстутовичу. Менее чем через год Юрий Лугвеневич бежал из плена: уже 3 октября 1433 г. он, как следует из письма Свидригайла великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу, находился в Мстиславле¹². 26 октября мстиславский замок осадил Сигизмунд Кейстутович. Есть все основания полагать, что Юрий возглавил оборону, а не просто «находился в Мстиславле вместе со Свидригайлом», как пишет В. А. Воронин (С. 18). К началу осады Свидригайла уже не было в городе: 21 октября он находился близ Поповой горы на юге Мстиславского княжества, 10 ноября — в Киеве¹³. Под руководством Юрия Лугвеневича хорошо укрепленный замок выдержал трехнедельную осаду основных сил Сигизмунда Кейстутовича, возглавляемых самим великим князем¹⁴. Положение изменилось после сокрушительного поражения Свидригайла близ Вилькомира (ныне — г. Укмярге в Литве) 1 сентября 1435 г.: осенью того же года Сигизмунду Кейстутовичу подчинился Смоленск, а в ближайшее лето за ним последовали Полоцк и Витебск; примерно тогда же их участь разделил и Мстиславль. Как в это время складывалась судьба Юрия Лугвеневича, мы не знаем: известно лишь, что он участвовал в Вилькомирской битве и после нее бежал вместе со Свидригайлом в Полоцк. Правда, в нашем распоряжении имеется запись на новгородском артосном панагиаре с упоминанием Юрия Лугвеневича и датой 14 сентября 1435 г., но сомнительно, что он менее чем за две недели добрался из Полоцка в Новгород, да к тому же покинул ВКЛ в крайне напряженной обстановке, когда следовало ожидать, что Сигизмунд Кейстутович попытается развить достигнутый успех, а Свидригайло взывал к великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу с просьбами о помощи¹⁵. Скорее, как пишет автор книги, «новгородцы... считали Юрия своим князем»¹⁶ (С. 19). Достоверно известно, что в 1438 г. герой книги в очередной раз приехал в Новгород — как предполагает В. А. Воронин, новгородцы приняли его на кормление от Сигизмунда Кейстутовича. Исключать такую возможность нельзя, но источники не дают прямых

¹¹ LUB. Bd. 8. Riga; Moskau, 1884. Nr. 642. S. 376.

¹² Оригинал этого письма (GStAPK. OBA 6226), на которое автор ссылается в пересказе И. Даниловича, до сих пор не опубликован.

¹³ GStAPK, OBA 6236, 6701; Halecki O. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Litwy i Rusi w XV wieku // Archiwum Komisji Historycznej. T. 12. Cz. 1. Kraków, 1919. Nr. 6. S. 216. Интересно, что в первом из этих источников — письме комтура Меве Людвиг фон Ландзее, представлявшего интересы Тевтонского ордена при Свидригайле, — название Поповой горы приводится в дословном немецком переводе: «Gegabin czu dam Phaffenberg».

¹⁴ Сведения об этом событии сохранились не только в летописях ВКЛ и переписке Свидригайла с Орденом, но и в исторической памяти населения: в одном документе второй половины XV в. подтверждается пожалование, которое Сигизмунд Кейстутович осуществил, «коли ездил ко Мстиславлю» (Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių Bibliotekos Rankraščių skyrius. F 37–799).

¹⁵ См. его письмо великому магистру из Витебска от 24 сентября 1435 г. (LUB. Bd. 8. Nr. 981).

¹⁶ Не подтверждается и мнение А. В. Кузьмина, который со ссылкой на Краткую Волинскую летопись пишет, что в 1433 г. Юрий Лугвеневич приехал на кормление в Новгород (Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 2 // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М., 2008. С. 453). В действительности, данное известие, как показал В. А. Арнаут, восходит к Новгородской IV летописи и отражает приезд князя в Новгород осенью 1432 г. (Арнаут В. А. «Киевская» летопись Супрасльского сборника // ИОРЯС. Т. 14. Кн. 3–4. СПб., 1910. С. 17).

оснований для столь однозначного вывода: в Новгородской первой летописи не говорится, что Юрий приехал из Литвы (в отличие от сообщений о его приезде в 1432 г.), а соглашение «по старине» между новгородцами и Сигизмундом Кейстутовичем, заключенное зимой 1436/1437 г., вовсе не предполагало обязательной отправки литовского «кормленщика» в Новгород¹⁷. Главное же, что, как мне представляется, указывает по меньшей мере на напряженные отношения между Юрием Лугвеневичем и Сигизмундом Кейстутовичем, — это титул Юрия («наследник Литвы»), употребленный в послании великому магистру от 31 января 1440 г. (т. е. при жизни Сигизмунда и вскоре после подтверждения польско-литовской унии, по условиям которой ВКЛ после его смерти переходило в распоряжение польского короля). В том же документе Юрий называет себя «русским князем», что, по словам В. А. Воронина, отражает его «сложное национально-религиозное самосознание» (С. 21–22). К этому можно добавить, что так воспринимали Юрия Лугвеневича и современники: в летописи, созданной в Смоленске около 1436 г., он назван в числе «русских князей»¹⁸. Тем не менее он, как показывает автор, обзавелся сторонниками из числа литовцев (они сопровождали его в Мстиславле и Новгороде) и жемайтов.

После убийства Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г. великим князем литовским стал малолетний Казимир Ягеллончик, от имени которого сыну Лугвене было возвращено Мстиславское княжество. Вскоре он оказался одним из главных действующих лиц смоленского восстания и последующих событий, охвативших и соседние русские земли ВКЛ. Этот эпизод по сей день остается одним из самых загадочных в истории ВКЛ в XV в., поскольку канва событий известна лишь по летописи, составленной в Смоленске. Движущей силой восстания стали «черные люди», пригласившие на княжение Юрия Лугвеневича. По словам автора, это была одна из главных социальных сил города, сохранявшая влияние и впоследствии (об этом говорят ее упоминания в привилеях великих князей литовских¹⁹ и жалованной грамоте Василия III, выданной Смоленску в 1514 г.). Характеристику этой группы можно было бы расширить за счет данных смоленской летописи о восстании, а также сравнения с новгородскими «черными людьми» и полоцкой «чернью». Характеризуя положение Юрия Лугвеневича в это время, В. А. Воронин привлекает не только данные летописи, к которым и так приковано внимание исследователей, но и повесть Симеона Суздальца о Флорентийском соборе, сообщающую о контактах Юрия Лугвеневича с митрополитом Исидором, а также несколько неожиданный документ — договор, который великий князь Казимир Ягеллончик «и с своею братею» заключил с псковскими послами 30 декабря 1440 г.²⁰ Из его текста автор делает вывод, что в начале своего правления Казимир пошел на уступки своим двоюродным братьям — потомкам Ольгерда, возможно, даже делился с ними властью. Одним из них, по мнению автора, мог быть и Юрий Лугвеневич (С. 29–30). Однако источник говорит об обратном: на протяжении всего документа настойчиво подчеркивается принадлежность Полоцка, Витебска и Смоленска, которые незадолго до этого были самовольно захвачены Юрием Лугвеневичем, к «отчине» господаря — «Литовской земле». К тому же договор составлялся вскоре после первого, неудачного похода войск Казимира на Смоленск; не исключено, что Юрий Лугвеневич к этому моменту уже бежал в Москву: по свидетельству Новгородской первой летописи, это произошло «той же осени» (1440 г.), а осенью в Древней Руси считалось время до 25 декабря²¹.

¹⁷ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 178–179.

¹⁸ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 34, 57, 76.

¹⁹ Ср. упоминание в привилее Сигизмунда Старого 1513 г., не отмеченное Ворониным (Кром М. М. Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 138–139).

²⁰ Недавно этот документ был опубликован по подлиннику, хранящемуся в Варшаве: Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским / Вступит. статья М. Е. Бычковой, подгот. текста А. А. Бондаренко и О. И. Хоруженко // Вестник РГТУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 231–237.

²¹ НПЛ. С. 420; Кучкин В. А. Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) М., 2008. С. 270, 275.

После этого Юрий Лугвеневи́ч провел несколько лет в Москве и Новгороде (на этот раз в качестве московского «кормленщика»). Как показывает В. А. Воронин, к 1446 г. ситуация сложилась таким образом, что Юрий вынужден был перейти от контактов с Михаилом Сигизмундовичем (сыном убитого Сигизмунда Кейстutowича, претендовавшим на престол ВКЛ) к поиску примирения с Казимиром Ягеллончиком. Такой путь избрал и Свидригайло, в 1442 г. самовольно занявший Луцкую землю; правда, его примирение с Казимиром произошло не в 1446 г., как полагает Воронин, а тремя годами ранее²². Очень скоро Юрий Лугвеневи́ч занял высокое место в окружении Казимира: сохранились сведения о его участии не только в польско-литовском съезде 1448 г. в Люблине, о котором пишет Воронин, но и во встрече с послами Тевтонского ордена в Вильно в самом конце 1447 г.²³

Завершают раздел два интересных эпизода из биографии Юрия Лугвеневи́ча, которые проливают свет на характер религиозности этого православного князя: не позже середины 40-х годов XV в. он стал крестным отцом детей католика Яна Гаштольда, а в 1447 г. совершил паломничество к «святой крови» в дер. Вильснак в Бранденбурге (по популярности среди католических паломников она уступала лишь Иерусалиму, Риму и Сантьяго-де-Компостелла). При этом в приверженности князя православию не приходится сомневаться: достаточно вспомнить его пожалование Онуфриевскому монастырю близ Мстиславля, основанному его отцом, и тесные контакты с московским митрополитом Ионой, о которых тоже говорится в книге. По этому поводу автор справедливо замечает, что «наши представления о тогдашних взаимоотношениях православных и католиков в Великом княжестве Литовском обусловлены преимущественно историографией XIX в. с ее сильным акцентом на теме вечного соперничества и даже противостояния конфессий», в то время как факты укладываются в эту схему далеко не всегда (С. 34). Первый из отмеченных фактов не исключение для истории ВКЛ XV в.: известно, что не позже 1485 г. православный смоленский епископ Иоаким стал крестным отцом Юрия Радзивилла — младшего сына смоленского наместника, католика, литовского пана Миколая Радзивилловича²⁴. Сложнее обстоит дело с паломничеством в Вильснак: остается неясным, воспринимал ли Юрий Лугвеневи́ч «святую кровь» как общехристианскую реликвию, или же был знаком с католической традицией, как предполагает М. Старнавска²⁵, и испытывал «явные симпатии к западному христианству», как пишет В. А. Воронин (С. 49). Возможно, ответить на этот вопрос поможет дальнейшее изучение отношения православных жителей ВКЛ к католическим святыням и традициям духовной жизни (особенно в ситуации культурного пограничья). Так или иначе, паломничество Юрия Лугвеневи́ча в Вильснак свидетельствует о тесноте его контактов с одним из католических центров Восточной Европы — литовским великокняжеским двором или Тевтонским орденом (от братьев которого, вероятно, узнал о «святой крови» другой литовский паломник в Вильснак — боярин Ян Немира²⁶).

Третья глава посвящена периоду княжения Юрия Лугвеневи́ча в Мстиславском княжестве, которое Казимир Ягеллончик вернул ему по ходатайству Яна Гаштольда в конце 1446 или начале 1447 г. Автор очерчивает территорию Мстиславского княжества (в книге приводится его карта, выполненная В. Н. Темушевым). Далее рассмотрены известные пожалования Юрия Лугвеневи́ча. Несмотря на их немногочисленность, автору удалось на их основе кратко охарактеризовать население удельного княжества; особенно интересен вопрос о литовских боярах, появление которых на Мстиславщине, скорее всего, было связано с деятельностью героя

²² GStAPK. OBA 8274; Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. T. 1. Warszawa, 1930. S. 236.

²³ GStAPK. OBA 9424; Korczak L. *Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellonkim*. Kraków, 2008. S. 86. Przep. 162.

²⁴ AGAD, dok. perg. nr 7370. Оpubл.: Ліцкевіч А. У. *Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum Głównego Akt Dawnych у Варшаве // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі*. Вып. 11. Мінск, 2009. № 17. С. 30.

²⁵ Starawska M. *Die Beziehungen des Königreichs Polen und des Herzogtums Litauen zu Wilsnack und die Christus-Reliquienverehrung im Spätmittelalter // Die Wilsnackfahrt. Ein Wallfahrts- und Kommunikationszentrum Nord- und Mitteleuropas im Spätmittelalter / Hrsg. von F. Escher und H. Kühne. (Europäische Wallfahrtsstudien. Bd. 2.) Frankfurt am Main, 2006. S. 88.*

²⁶ Ibid. S. 85–86.

исследования. Те же источники проливают свет и на структуры власти Мстиславского княжества — совет («раду») и двор удельного князя. Если соответствующие общегосударственные структуры изучены неплохо, то об их удельных аналогах середины XV в. известно не так уж много — в основном по материалам Луцкой и Киевской земель.

В конце главы автор касается вопроса о дате смерти Юрия Лугвеневича. Традиционно считается, что он умер около 1457 г. (этим годом, кстати, датировано последнее известное пожалование князя). В. А. Воронин полагает, что герой его исследования умер около 1460 г., но не позже 1461 (С. 47, 51), а в 1458–1459 г. успел побывать на кормлении в Новгороде. Новгородские летописи второй половины XV в. говорят о приезде князя «Юрия Семеновича Литовского», и исследователям приходится выбирать между сыном Лугвения и его тезкой из рода Гольшанских князей. Обычно выбор делается в пользу второго. Проблемы не решает ни известие Яна Длугоша, который явно ошибочно выводит этого князя из рода Острожских, ни перечень пригородов, которые получил Юрий Семенович (Руса, Ладога, Орешек, Корельский городок, Ям и пол-Копорья): их традиционно получали князья из Литвы, а не только Лугвень и его сын²⁷. В. А. Воронин полагает, что требовательные новгородцы скорее попросили бы Казимира Ягеллончика прислать к ним знакомого им Юрия Лугвеневича, его двоюродного брата. На мой взгляд, нельзя исключать того, что в XV в. в Новгород приезжали князья, не принадлежавшие к правящей династии: согласно поздней (XVI в.) «Хронике Быховца», при Витовте новгородским князем некоторое время был князь Семен Гольшанский²⁸ (кстати, отец князя Юрия Семеновича). Возможно, за этим известием стоит некая достоверная основа. Важно и то, что Ю. С. Гольшанский был одним из самых влиятельных лиц в ВКЛ в начале правления Казимира, к тому же приходился двоюродным братом королеве Софье Гольшанской — матери Казимира. И все же любое решение этой проблемы остается в плоскости предположений. Возможно, на нее прольет свет находка новых документов, которые фиксировали бы пребывание одного из князей в указанный период в Новгороде или ВКЛ.

В заключении автор дает общую характеристику князя Юрия Лугвеневича и его деятельности. Он вовремя понял, что «великих князей литовских выбирали в Вильно и Троках, а не в Киеве, Смоленске или Полоцке», и ограничил свои политические амбиции пределами «вотчины» — удельного княжества (С. 50). В этом проявился реализм его мышления. Добавлю, что мало было занять виленский престол, столь же важно было на нем удержаться. Об этом красноречиво говорит судьба Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича.

Некоторые замечания вызывает композиция книги. Так, можно было бы объединить сведения об изображениях Юрия Лугвеневича (С. 12–13, 39–41). Словно *deus ex machina*, появляется на страницах исследования Мстиславль (С. 11), и читателю, который впервые обращается к данной тематике, может остаться непонятным, что Лугвень получил его в 1392 г. От случая к случаю упоминается в исследовании Ярослав — брат Юрия Лугвеневича. Правда, о нем сохранилось не так уж много данных, зато известны даты его рождения и смерти, имеются и сведения о его землевладении в Мстиславском княжестве.

Как отмечает сам автор, основная сложность исследования состояла в том, что сведения о деятельности героя его книги рассеяны «по многочисленным историческим источникам самого разного происхождения: от немецкого до московского» (С. 7). В. А. Воронин успешно справился с задачей их освоения; более того, ему удалось расширить круг источников за счет позднейших произведений историографии («Вандалия» А. Кранца) и актовых материалов (подтверждения пожалований Юрия Лугвеневича), которые редко используются в работах по истории ВКЛ в XV в. В приложении к книге опубликованы восемь грамот Юрия Лугвеневича, текст которых сохранился полностью или частично: три из них известны по позднейшим подтверждениям, записанным в книги Литовской

²⁷ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 90–96.

²⁸ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 151.

метрики, пять — по оригиналам. Две из этих грамот недавно были опубликованы белорусским историком О. В. Лицкевичем по подлинникам, хранящимся в Главном архиве древних актов в Варшаве²⁹. Местонахождение нескольких грамот автору книги установить не удалось; вполне вероятно, что часть их следует искать в неразобранной части архива Радзивиллов, ныне хранящегося в Варшаве. Жаль, что В. А. Воронин не обратился к неопубликованному корпусу переписки середины XV в., сохранившейся в архиве великих магистров Тевтонского ордена (исторический Кёнигсбергский архив в настоящее время находится в Берлине). Как показывает опыт автора этих строк, приводимые в литературе (у А. Коцебу, К.-Э. Напьерского, И. Даниловича) краткие сведения о содержании этих документов явно недостаточны, а зачастую и ошибочны. Между тем указанные источники позволили бы более точно охарактеризовать ряд событий политической истории ВКЛ, в которых участвовал Юрий Лугвеневи́ч, и могли бы приблизить нас к пониманию некоторых более общих проблем истории ВКЛ. Приведу конкретный пример. Принадлежность Мстиславского княжества Лугвеню и его сыну до 1432 г. не вызывает сомнений. Но каков был его статус после пленения князя Юрия? Логично было бы предположить, что он получил его от Свидригайла, как только бежал из плена в 1433 г. Однако 3 октября этого года тот диктует свое письмо великому магистру «в нашем замке Мстиславле», хотя Юрий Лугвеневи́ч, как следует из содержания письма, находится там же³⁰. 21 октября он диктует новое письмо, на этот раз «в 12 милях от нашего замка Кричева», который также входил в «вотчину» Юрия Лугвеневи́ча³¹. Между тем 26 марта 1434 г. Свидригайло писал магистру Ливонского ордена Франке Керскорфу уже из «[села] Кащеева князя Михаила Вяземского» (близ нынешнего с. Тюхменево в нескольких километрах от Вязьмы)³². Все это ведет к проблеме положения удельных княжеств в государстве Гедиминовичей, которая еще ждет исследования. Впрочем, то же самое можно сказать и о многих других аспектах истории этого государства. Удачная стратегия их исследования предложена в рассмотренной книге В. А. Воронина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- AGAD — Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa).
 CEV — Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. Cracoviae, 1882.
 GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung: Königsberger Archiv.
 LUB — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch.
 OBA — Ordensbriefarchiv.
 НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950.

²⁹ Лицкеви́ч А. У. Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum Głównego Akt Dawnych у Варшаве. № 8, 10. С. 21–23.

³⁰ GStAPK. OBA 6226.

³¹ GStAPK. OBA 6701; НПЛ. С. 420.

³² “Datum in Koschcziewo ducis Michaelis de Mezwa (!) anno etc. XXXIII^{ro}, sexta feria in Parasceven” (GStAPK. OBA 6787; краткое содержание — LUB. Bd. 8. Nr. 789. S. 462). Допущенную писцом ошибку исправляют данные о маршруте следования Свидригайла: уже на следующий день он прибыл в Вязьму, которую тот же писец называл Wezma (GStAPK. OBA 6795). Благодарю за консультацию В. Н. Темушева (Минск).